

Ирина Зябликова-Исакова
Анастасия Исакова
Наталья Исакова

«Из сундука моей бабушки...»

Сказки, легенды, рассказы

с иллюстрациями
Роальда Каптикова

Ирина Зябликова-Исакова

«Из сундука моей бабушки...».

Сказки, легенды, рассказы.

С иллюстрациями

Роальда Каптикова

«Издательские решения»

Зябликова-Исакова И.

«Из сундука моей бабушки...». Сказки, легенды, рассказы.

С иллюстрациями Роальда Каптикава / И. Зябликова-Исакова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-656508-1

«В восемнадцать её выдали замуж... Молодые жили в большом доме с родителями. Когда юная супруга носила под сердцем первенца, часто ходила в гости к старому деду Тимофею, помогать по хозяйству, а в благодарность Дед Тимофей плёл ей лапти. Было ему девяносто семь лет. Что нужно старику? Было бы с кем поговорить, а до рассказов он был большой охотник. Настя любила его послушать и решила записывать...» — такова предыстория этой книги, которая объединила в себе и сказ, и сказки, и легенды семьи Исаковых.

ISBN 978-5-00-656508-1

© Зябликова-Исакова И.

© Издательские решения

Содержание

«Из сундука	6
Старая рукопись из	7
Сказ деда Тимофея	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

«Из сундука моей бабушки...». **Сказки, легенды, рассказы** **С иллюстрациями Роальда Каптикова**

Ирина Зябликова-Исакова
Наталья Исакова
Анастасия Исакова

*Светлой памяти моих бабушек и дедушек...
в частности, бабушки Натальи Ивановны
Исаковой, прабабушки Анастасии Михайловны
Исаковой (Шабалиной)*

*С благодарностью и светлой памяти художника
Роальда Валерьевича Каптикова*

*Художник-иллюстратор Роальд Каптиков
Дизайнер обложки Ирина Зябликова-Исакова*

© Ирина Зябликова-Исакова, 2025
© Наталья Исакова, 2025
© Анастасия Исакова, 2025
© Ирина Зябликова-Исакова, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0065-6508-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Из сундука моей бабушки...»

Иллюстрации Р. В. Каптика
Вступление и переложение текстов
И. В. Зябликовой-Исаковой

Старая рукопись из бабушкиного сундука

Когда-то давно, в начале XX века, когда не произошёл ещё судьбоносный для нашей страны Октябрьский переворот 1917 года, и даже не началась первая мировая война 1914 года, в глубинке России, в местечке близ Бемыжского завода Елабужского уезда Вятской губернии, Анастасия Михайловна Исакова, в девичестве Шабалина, начала писать свою рукопись в 1911 году. Тогда ей было девятнадцать лет. Она только вышла из стен женского монастыря в Елабуге¹, где обучалась разным наукам и премудростям. В восемнадцать её выдали замуж за Ивана Ефимовича Исакова. Молодые жили в большом доме с его родителями. К тому времени юная супруга уже носила под сердцем первенца², она частенько ходила в гости к старому деду Тимофею, помогала ему по хозяйству – пол помыть, бельё постирать, так как никого из родных у старика уже не было, а в благодарность Дед Тимофей плёл ей лапти (девятыльные). Сам он говорил, что было ему девяносто семь лет, а может и больше. А что ещё нужно старику? Было бы с кем поговорить, и ладно. А до рассказов он был большой охотник. Настенька любила слушать, а потом решила записывать. Когда не было дома свекра (он уезжал в Елабугу по делам или в суд, так как служил там адвокатом), она отпрашивалась у свекрови и, прихватив с собой чернила, бумагу, шла к деду Тимофею.

На вопрос: «Что будем писать?» Он улыбался в свою седую бороду и как-то лукаво щурил глаза: «Я же не умею писать...»

– Дядя Тимофей, а у тебя разве нет родных детей?

– Я тебе все расскажу, Настя, а ты запомни...

– А можно, дядя Тимофей я буду записывать?

– Пиши, дочка, пиши.

И Настенька стала записывать:

«Дед Тимофей любил пить чай, часто поил и меня. Скажет: «Давай, Настя, я тебя чаем попотчаю». Он всегда заваривал его из трав, только ему известных. Напив меня, говорил: «Настя, этот чай даёт мне силы».

Однажды я ходила за водой на ключ, а у ключа поскользнулась и упала в воду. Пока дошла до дома, вся одежда на мне замёрзла, и я заболела. Свёкр привёз вечером из Осокина фельдшера, тот дал какую-то микстуру, порошки, но мне не помогло. Через дом жила моя тётушка Прасковья Мефодьевна, и дед Тимофей к ним ходил. Узнав от тётушки, что я очень хвораю, он тут же пошёл домой, а вечером принёс тётке горшок с отваром трав. Она немедленно принесла его мне, спросив разрешения свёкра³ (он был очень строг). Меня напоили этим отваром, заставили лечь на печь, и через неделю я уже была на ногах. Вот так благодарно помог мне дед Тимофей»...

Много всего интересного поведал ей дед Тимофей. Много листов было исписано чернилами. Толстой оказалась эта рукопись...

¹ Елабужский Казанско-Богородицкий монастырь – действующий женский монастырь Набережночелнинской епархии Русской православной церкви. Находится в Елабуге, в черте старого города. Основан в 1856 году как женская община, официально статус монастыря получил в 1868 году. До 1920 года (образование Татарской АССР) эта территория относилась к Вятской губернии и, соответственно, Вятской епархии. Накануне революции Елабужский монастырь стал крупнейшим в епархии женским монастырём (в 1893 году – 250 сестёр, в 1900 году – 273 сестры, считая послушниц). При монастыре действовала школа, а также золотошвейная и живописная мастерские.

² первый сын Фёдор

³ Исаков Ефим Григорьевич

Прошли годы, много событий пронеслось с той поры и много всего пришлось пережить семье Исаковых... Деда Тимофея уже давно не было в живых... Мужа⁴ забрали на первую мировую войну, он попал в плен к немцам, потом вернулся... В семье было трое детей, два сына – Иван и Фёдор, и дочь Наталья. Не стало свёкра и свекрови... Раскулачивание, бегство на Украину, возвращение...

Так в 1938 году, после смерти матери, именно Наталья нашла ту самую рукопись, долгое время хранившуюся в материнском сундуке.

И она, будучи уже моей бабушкой Наташей⁵, решила переписать шариковой ручкой старые выцветавшие листы, испещрённые ещё чернильными старорусскими буквами, более разборчивым почерком и сохранить для потомков – для своих внуков и правнуков. Но удалось переписать только часть её, большая часть погибла от потопа в подвале дома...

Моё детство прошло в Башкирии, но часто я бывала в гостях у своей бабушки в Агрызе (Татарстан). Меня так и называли «агрызская бабушка», т.к. внешне я похожа на неё. Мне с ней было интересно. Она рассказывала мне сказки, легенды, часто придумывая их сама. Что-то вспоминала из своего детства, рассказывала историю нашего рода, а мне интересно было слушать, я задавала вопросы.

Уже будучи взрослой, анализируя рассказанные истории и сопоставляя факты, я нашла много точек соприкосновений (в книге приводятся ссылки). Здесь в книге, конечно, приведено далеко не всё – есть ещё «белые пятна», с которыми мне предстоит работать и сопоставить их с реальными событиями.

Так как я, её старшая внучка, особо интересовалась происхождением нашего рода, то не удивительно, что бабушка передала свою переписанную рукопись мне, и которая сейчас тоже начинает выцветать, поэтому у меня также возникла идея её сохранить, ведь и мне придётся передавать эти строки следующему поколению...

Ещё в 2007 году я обратилась к екатеринбургскому художнику-графику Роальду Валерьевичу Каптикову⁶ с просьбой сделать иллюстрации к бабушкиной рукописи. И он сделал. Я ему очень благодарна за это!

⁴ Исаков Иван Ефимович (1885? – 1948)

⁵ Исакова Наталья Ивановна (1925—2001)

⁶ Познакомилась с Р. В. Каптиковым ещё в 2001 году во время пленэра в Тобольске. Вместе с ним и группой «Хожателевцев» ездили на пленэры и путешествовали по многим городам России, я сделала им множество выставок.

Сказ деда Тимофея

«Живем мы здесь давно. А сколько годов, я и счет потерял. До нас здесь был лес. Мы жили далеко отсюда. В той деревне жил злой барин. Мы все были у него в долгу. Всё брали у него в лавке, а так как ни читать, ни писать не умели, то ставили большой палец. В конце концов, у нас у самих уже ничего не было...

У барина был приказчик Денис, а сын его Семён учился в уезде или где-то ещё, не знаю. Приехал как-то домой и сказал отцу, мол, слышал, что многие вотяки⁷ бежали в глухие леса, и там живут хорошо: барина там нет, никто ничего у них не отбирает.

И вот однажды Денис собрал нас всех в лесу на поляне – всех тех, кому уже нечем было платить долги, и пообещал достать лошадей, хлеба для шестерых человек, кто верхами на лошадях поедет искать место. А Денис этим временем должен приготовить всё.

И вот я и ещё пять человек поехали искать хорошее место. Отъехав эдак верст сорок, мы стали топором ставить тамга⁸, чтобы не заблудить. На десятый день мы приехали к логу, где текла река. Стали искать ключ⁹. Нашли быстро – ключ бил из-под горы. В ключе вода была очень холодной, аж зубы ломило. Сладкая вода больно была, вкусная очень! Стемнело. Ночевали тут же, у ключа, а утром поднялись на гору. Прошли эдак версты две, лес кругом. Решили, что нет кругом человеческой души. Стали строить землянки, построили и поехали обратно.

К нашему приезду Денис уже накопил скотины: лошадей, коров, овечек. Всё спрятали в лесу и охраняли свои люди – те, что поедут с нами.

И вот в воскресенье оставили навсегда родное село, где родились, и где схоронены наши матери, отцы, деды, прадеды. Взяв с их могил по горсти земли, мы покинули их навсегда.

Когда приехали на место, то поняли, что попали из полымя да в пекло! Так мы снова попали в кабалу, теперь уже к Денису. Денис сам захотел стать баринком. Сначала мы и не догадывались, что будем работать на него. Тогда у меня ещё была жива опроч¹⁰ Ефросинья и сын был – Конкой звали, Конафий значит. Мой Конка и сын Дениса Семён – одногодки были. Семён учился, а Конка мой где там... Ведь мне нечем было его учить. Конка только и умел играть на гусях, да свистеть. Конка мой был больно сильный, куда Семёну до него...

С нами вместе приехал дед МIRON. Из дома они выехали со своей внучкой Марфой, сироткой. У него был сын со снохой, сына забрали в солдаты, он там за царя-батюшку и сложил голову, я так понимаю. Тогда служили четверть века, двадцать пять годов значит... А сноха его Анок умерла при родах Марфы. Так вот у деда Мирона никого не было, кроме внучки. Когда мы сюда приехали, Марфе тогда годков эдак тринадцать-четырнадцать было, может и больше, а может и меньше – кто знает. Марфа была смышленная: умела прясть, вязать, ткать. Сама шила всё себе и деду. А уж красавица была!.. Если бы одеть её в царские наряды, то лучше, чем царица была бы.

Землянки у нас с Миронком были рядом. Я к ним часто заходил. Дед МIRON что-нибудь мастерил или плел лапти, а Марфа пряла или вязала. Бывало, спросит у деда: «Пещатай¹¹, Расскажи мне про маму и тятю». И дед МIRON начинал рассказ, не спеша. Он, наверное, раз сто говорил про это, а мне всё равно интересно слушать.

⁷ Вотяки – удмурты

⁸ тамга – метки на деревьях (удм.)

⁹ ключ – родник

¹⁰ опроч – старуха (удм.)

¹¹ Пещатай – старый отец (удм.)

«Отца и мать ты, внучка, не знаешь! Мать твою Анок, надо сказать, была первая красавица на всё село. Да и отец твой, мой сын Очан, тоже был хороший, подстать матери. Тебя внучка ещё и на свете не было, когда отца твоего отдали в солдаты. А мать твою Анок, царство ей небесное, ждала сына. Отец, когда уходил, сказал: «Когда я вернусь – сын мой будет в солдатах, а сына, – сказал Очан жене, – назови Антоном». А сам не вернулся. Только всё вышло не так, как хотели твои отец и мать: родился не сын, а ты, внучка. Мать твою тоже не узнала, кого родила: долго мучилась и была еле жива. Только ты народилась, внучка, бабка-повитуха не успела обрезать пупок, как мать твою отдала Богу душу. «А что такая душа, пещатай?» И дед Мирон начинал объяснять...

Мы почти всё время работали на Дениса: рубили лес, корчевали пни, драли лыко, плели лапти, драли и мочало, рвали мох – строить дом для Дениса. Делали всё, что мы умели, а что не умели – нас учили (правду сказать – заставляли). За то он нам давал муки и соли. Писать, читать мы не умели – ставили палец, чем-то черным намазанный, а палец лепили туда, где Денис что-то писал. Так значит, всё делали для Дениса, а он богател. Построил избу большую и печь по-белому топил. Очень хорошо жил Денис! Не то, что мы... А у нас какая баня – такой и дом: окошки маленькие, да и то натянуты ткаными сетками. Так вот мы снова стали должниками, теперь уже у Дениса. Денис стал хозяином над нами...

Тут, Настя, оказалось в шести верстах большое село – Осокин завод¹² – село русское, откуда та сама родом, Настя. Мы сами в то село не ходили тогда, а Денис ездил. Он нас так всех запугал, что мы и стали бояться. Кто пройдет в сапогах или приедет на лошади да с бубенцами – сразу же бежали в лес. В лесу мы забирались в чащу, пока работник Дениса не застучит в свою дубовую колотушку. Вот так, Настя...

Долгов у меня набралось много, платить стало нечем: он забрал моего сына Конку работником. Кроме Конки у него было трое мужиков и четыре бабы. Надо сказать, Конка мой был смышленным – не то, что другие. Он, как мы, в лес не убегал – не верил тому, что это урядник приехал нас всех забрать. Так нам Семён говорил, будто старый хозяин нас ищет.

Так понемногу мы корчевали лес, очищали и сеяли рожь, лён, коноплю, а потом и картошку. Скотины у Дениса развелось много – всякая живность была. У него никогда её не съедал волк, не задирали медведь. Это Настя, как сказка, теперь бы я не испугался, хотя и старик, а тогда всего...

Мой Конка с Семёном, бишь с сыном Дениса, ездили в Елабугу (как мне говорил Конка) вёрст эдак шестьдесят будет. Да что я говорю-то, ведь ты мне сказывала, что училась там в монастыре...

Ой, Настя, я ведь начал калякать про деда Мирона, да вот куда меня занесло...

Так внучка его подросла, стала баской¹³, – продолжал рассказ дед Тимофей, – у Мирона долгов тоже скопилось много. Как-то вечером Денис зашел к деду Мирону и спросил:

– Пошто долги не платишь?

– Подожди маленько, – отвечал ему дед Мирон.

– Ждать мне некогда! Или отдавай долг, или – в работницы Марфу!

Что было делать? Марфа пошла отрабатывать долги.

Надо сказать, мой Конка сильно любил Марфу, и она тоже любила его. Да и Семён, сын Дениса, тоже полюбил Марфу. Он попросил отца, чтобы тот послал Конку в лес искать лошадей, якобы пропали. Семён напоил работника, чтобы тот подтвердил, будто бы три лошади ушли в лес. Когда лошадей пускают пастись, то на шею им надевают гырлы¹⁴.

¹² Осокин завод принадлежал Петру Игнатовичу Осокину, затем в 1769 г. был продан двоюродному племяннику – Ивану Петровичу Осокину.

¹³ Баская – красивая (удм.)

¹⁴ Гырлы – бубенцы (удм.)

Конка зашел домой, взял хлеба, ложку соли и котелок, сказав: «Если долго не найду лошадей, то хоть коренья сварю с травой». Травы Конка тоже знал. Ушёл он, и не было его десять дней. Мы со старухой стали думать, что он уже и не вернётся: в ту пору много было волков, медведей. И вот на десятый день, блуждая по лесу, он вышел на какую-то дорогу, присел немного отдохнуть, думая, в какую сторону идти.

Уже стало темнеть, и вдруг показался извоз, эдак лошадей пятнадцать было, а своих-то он не нашёл. Люди его спросили, кто он, да откуда. «Я из Ырга¹⁵

¹⁵ Иргинский завод также принадлежал Осокиным с конца XVIII до середины XIX в.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.